

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 329.71

Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (подъем и распад мировой системы социализма)

К. К. Худoley

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Худoley К. К. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза (подъем и распад мировой системы социализма) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 1. С. 53–85. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.106>

Превращение социализма в мировую систему стало высшей точкой курса СССР на революционное обновление мира. Постоянно нарастающие трудности вынудили руководство СССР в середине 50-х годов осуществить поворот к нормальности, частично отказаться от революционных доктрин и перейти к политике мирного сосуществования с капитализмом. Однако кризис мировой системы социализма постоянно обострялся. Произошли ослабление гегемонии КПСС и глубокая идейно-политическая дифференциация мирового коммунистического движения. На практике линия на мировой революционный процесс и мирное сосуществование постоянно вступали в противоречие. К середине 80-х годов соревнование с капитализмом было проиграно, а воздействие «мягкой силы» Запада постоянно возрастало. Политика перестройки способствовала освобождению сознания широких народных масс, но не остановила кризис советской системы. Это открыло путь к победе буржуазных революций и распаду СССР и мировой системы социализма.

Ключевые слова: СССР, мировая система социализма, мировой революционный процесс, мирное сосуществование.

Во второй половине 40-х — 50-е годы социализм вышел за пределы одного государства. Образование мировой системы социализма, приход компартий к власти

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

в целой группе государств был, безусловно, высшей точкой советской политики революционного обновления мира. Однако идея мировой революции не просто потеряла свою динамику или видоизменилась — она постепенно отступала и отмирала.

Целью данной статьи является анализ тех сложных и противоречивых процессов, которые привели к постепенному отказу СССР от идеи мировой революции во внутренней и внешней политике и провалу коммунистического эксперимента.

Мировая система социализма: образование и первые трещины

Первый этап эволюции идеи мировой революции в политике СССР — с середины 40-х до середины 50-х годов — один из самых противоречивых. С одной стороны, мировая революция несомненно продвинулась вперед: компартии пришли к власти в ряде стран Европы и Азии. Однако, с другой стороны, внутри появившегося коммунистического блока практически сразу наметились кризисные явления и тенденции, свидетельствующие о том, что высшая точка пройдена.

К моменту окончания Второй мировой войны социально-экономические и общественно-политические системы многих стран Европы и Азии были полностью дезорганизованы. Внешний фактор играл для их будущего очень важную, а иногда и решающую роль. В Москве это прекрасно понимали. «Эта война не такая, как войны в прошлом, — говорил И. Сталин И. Тито и М. Джиласу весной 1945 г., — кто оккупирует территорию, тот навязывает ей свою собственную социальную систему. Каждый навязывает собственную систему настолько далеко, насколько может продвинуться его армия» [1]. Договоренности в Ялте и Потсдаме (1945) открыли большие возможности для продвижения коммунизма, и Советский Союз реализовал их в максимальной степени.

Конечно, Советский Союз имел все основания предпринимать шаги, чтобы не допустить повторения трагедии 22 июня 1941 г. Этому в наибольшей степени способствовало бы сохранение антигитлеровской коалиции и появление на границах СССР пояса дружественных государств. Однако идеологический фактор вновь восторжествовал. Хотя Советский Союз понес тяжелые потери и его ресурсы были истощены, огромные силы и средства были брошены для оказания помощи зарубежным компартиям по взятию власти. Причин, почему возобладала эта линия, видимо, несколько. Это и доктринерство — идея постоянного расширения была заложена с самого момента образования СССР. Но не менее важным были и опасения Сталина за свою власть. Сталин, как и последующие руководители СССР, всегда проводил различие между «полной победой социализма», которая, по его мнению, была достигнута в середине 30-х годов, и «полной и окончательной победой социализма», которая была возможной только после появления группы социалистических государств [2, с. 133–134]. Поражения 1941–1942 гг., несомненно, еще более укрепили в руководстве ВКП(б) настроения в пользу создания блока коммунистических стран во главе с СССР. К тому же Сталин совсем не был уверен в прочности своих позиций внутри страны. Как и в войну 1812–1814 гг., в годы Второй мировой войны огромное число наших военных оказались за границей. Сопоставление жизни в СССР и капиталистической Европе было явно не в пользу социализма. По словам В. Березжкова, Сталин опасался появления «новых декабристов». «Войска, —

вспомнил В. Бережков, — увидели, что даже после пяти лет разрушительной войны и оккупации жизнь там оказалась совсем не такой беспроблемной, как рисовала наша пропаганда, что в массе население жило лучше, чем советский человек... На войне многие освободились от комплекса неполноценности, от привитого им аппаратом рефлекса ждать указаний сверху. Это привело к избавлению от страха... Следовательно, возникает угроза системе» [3, с. 365–367]. К тому же доверие к идеалам, провозглашенным Октябрьской революцией, которое в 20–30-е годы было сильно среди низших слоев советского общества, оказалось практически исчерпано.

Вопрос о том, укрепило ли появление группы социалистических стран безопасность СССР, требует дополнительных всесторонних исследований. Для И. Сталина и руководства ВКП(б) это несомненно был успех, который они широко пропагандировали как внутри страны, так и за рубежом как доказательство правильности идей марксизма-ленинизма и своей политики. С точки зрения государственных интересов оценка вряд ли может быть однозначной. Конечно, советские войска получили более выгодные позиции, чем до Второй мировой войны. Но с другой стороны, огромная помощь новым союзникам истощала советскую экономику, а это не могло не сказаться на военном потенциале и жизненном уровне населения. К тому же граждане социалистических стран переносили свою неприязнь к коммунистическим правительствам на поддерживающий их СССР. Это вело к росту антисоветских, а иногда и антирусских настроений даже в традиционно русофильских славянских странах. Договор 1948 г. между СССР и Финляндией, содержащий ряд неравноправных пунктов и негативно оценивающийся сегодня финским общественным мнением, все-таки в большей степени соответствовал государственным интересам СССР. Отметим, что лозунг «лучше быть Финляндией, чем Югославией», т. е. лучше быть капиталистической страной в советской орбите, чем неприсоединявшейся социалистической страной, был уже в 50-е годы популярен в некоторых социалистических государствах, особенно в Польше.

В последние годы жизни Сталин проводил по существу ту же линию, что и во второй половине 30-х годов, — «мировая революция под чужим флагом». Так, в материалах созданного в 1947 г. Информационного бюро коммунистических партий слово «революция» и производные от него встречались крайне редко. Но они полны цитат Сталина, причем преимущественно времен политики «класс против класса». А в речи на XIX съезде ВКП(б) в 1952 г. Сталин откровенно сказал о революционной перспективе в глобальном масштабе. Он заявил, что если раньше только СССР был «ударной бригадой мирового революционного и рабочего движения», то теперь «работа пошла веселее» ввиду появления народно-демократических стран, и что «есть все основания рассчитывать на успехи и победы братских партий в странах господства капитала» [4, с. 8–9, 13]. В своей последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталин не только подтвердил с минимальными оговорками свои антирыночные взгляды на советскую экономику, но и сделал вывод о том, что ввиду образования мировой системы социализма произошло сужение капиталистического рынка и рост экономики капиталистических стран невозможен. Противоречащие этому оценки Ленина и свои собственные Сталин объявил устаревшими. При этом Сталин вновь подтвердил догму о том, что при капитализме войны можно оттянуть, но не предотвратить. «Чтобы устранить неизбежность войн, — утверждал Сталин, — нужно уничтожить империализм» [5, с. 36].

Страны, в которых компартии пришли к власти во второй половине 40-х годов, можно условно разделить на две группы. Первая — это Польша, Венгрия, Восточная Германия, Болгария, Румыния и Северная Корея. Здесь при прямой поддержке СССР на руководящие посты в государственном аппарате, вооруженных силах, политической полиции были назначены «москвичи» — коммунисты, которые в годы Второй мировой войны находились в СССР и в ряде случаев были частью советских правящих кругов. Без присутствия советских войск подобное развитие событий было невозможно ввиду слабости компартий. В Чехословакии, откуда советские войска были выведены в 1945 г. и где компартия имела определенное влияние, ставка делалась на завоевание большинства на выборах. Но вскоре стало ясно, что правительство «москвича» К. Готвальда теряет поддержку. Тогда в феврале 1948 г. компартия Чехословакии осуществила государственный переворот. В Югославии, Китае, Албании, Северном Вьетнаме в ходе Второй мировой войны переплетались борьба с иностранными оккупантами и элементы гражданской войны, из которых компартии вышли победителями. Советских войск тут практически не было (из Белграда и Маньчжурии они были выведены почти сразу), внутри своих стран эти компартии чувствовали себя несколько более уверенно. Но на международной арене они нуждались в поддержке Москвы.

Во всех странах, где компартии пришли к власти, были осуществлены преобразования по образцу СССР. Поскольку они привели к смене общественного строя, их с полным основанием можно назвать революционными. Однако в их проведении были уже некоторые особенности. Создается впечатление, что Сталин вспомнил о предложениях некоторых балтийских левых, которые в 1940 г. просили его не включать их страны в состав СССР, а сохранить некоторую самостоятельность и учесть специфику их внутреннего устройства [6, с. 721]. Первоначально новые власти тщательно маскировали свои намерения. Они говорили о создании режима «народных демократий», причем первое время подчеркивалось, что «народная демократия» в отличие от советской власти не является якобы «диктатурой пролетариата». Данная медлительность была связана как с внутренними причинами (Сталин явно хотел избежать гражданской войны, элементы которой были, например, в Польше), так и с внешними — расчетами на сохранение антигитлеровской коалиции, которые, видимо, у советского руководства были до принятия «плана Маршалла» [7, р. 224–225]. В ряде случаев остались старые государственные институты, если они полностью подчинялись компартиям. Сами компартии почти всюду сменили названия. В большинстве стран революционные преобразования проводились более мягко, чем в СССР и в Латвии, Литве и Эстонии в 1940 г. Коллективизация сельского хозяйства была насильственной, но без политики «ликвидации кулака как класса». Лишь в нескольких странах произошла замена старой интеллигенции «народной». Хотя некоторые зарубежные коммунисты ставили вопрос о включении их стран в состав Советского Союза (Н. Хрущев вспоминал, что это предлагал И. Сталину К. Готвальд [8, с. 305]), советское руководство на это уже не пошло. В то же время Москва исходила из того, что отношения между социалистическими странами строятся на основе принципов пролетарского интернационализма в ее трактовке и при главенстве СССР, о чем прямо говорилось в документах Информбюро [9, с. 5]. А вот линия на изоляцию новых социалистических стран от остального мира проводилась очень последовательно

и жестко, причем даже контакты между ними самими, кроме официальных, были сведены к минимуму.

Тем не менее несомненно, что превращение социализма в мировую систему стало высшей точкой осуществления идеи мировой революции в политике СССР.

Однако именно в этот период наибольшего успеха мирового коммунистического движения, когда мировая система социализма сложилась и стала важным фактором мировой политики, внутри нее стали формироваться кризисные тенденции и явления.

Прежде всего появился первый пример успешного существования и развития социалистической страны, полностью независимой от И. Сталина. Еще в годы Второй мировой войны между Москвой и югославскими коммунистами возникли определенные разногласия. Так, Тито и его окружение болезненно восприняли «процентную договоренность» Сталина и Черчилля, согласно которой Югославия была поделена на сферы влияния, причем с югославскими коммунистами не только никто не консультировался, но даже не поставил их в известность. Тем не менее компартия Югославии активно высказалась за создание Информбюро компартий, которое первоначально разместилось в Белграде. Хотя создатели Информбюро заявляли, что речь не идет о возрождении Коминтерна, на практике оно претендовало на роль директивного центра. Однако линия Информбюро вошла в противоречие с политикой югославского руководства, что привело к конфликту в 1948–1949 гг. После принятия резолюции Информбюро «Компартия Югославии в руках убийц и шпионов» (1949) [9] были не только прекращены отношения между партиями, но и резко обострились межгосударственные отношения. В СССР была образована даже группа «революционеров-коммунистов», призывающая к «свержению банды Тито». В основе конфликта лежали не идеологические расхождения (их практически не было — компартия Югославии была такой же ортодоксальной, как ВКП(б)), а различия государственных интересов. Разрывая отношения с Белградом, Сталин был твердо убежден, что без его поддержки Тито не сможет сохранить власть, и компартия Югославии вернется под его гегемонию. «Вот пошевелю мизинцем — и не будет Тито. Он слетит» [10], — сказал однажды И. Сталин Н. Хрущеву. Первоначально югославские коммунисты, действительно, опасались оказаться в одиночестве, но столкнувшись с реальностью в виде грубого сталинского нажима, решили идти своим самостоятельным путем. Компартия Югославии была вынуждена создавать — в рамках коммунистических догм — свою собственную идентичность: партия — с ссылкой на Маркса и Энгельса — была переименована в Союз коммунистов, стало вводиться самоуправление предприятий, часть сельхозкооперативов была распущена, страна стала постепенно открываться внешнему миру и т. д. Произошло и существенное улучшение отношений с Западом. США и Великобритания не пытались сменить социалистический строй, а югославское руководство в свою очередь отказалось от идеи мировой революции, прекратив поддержку партизан-коммунистов в Греции и т. д. Самостоятельная линия И. Тито получила поддержку югославского народа. Все компартии заявили о поддержке Сталина. Коммунисты, симпатизировавшие Югославии или пытавшиеся смягчить конфликт, были изгнаны, а иногда и репрессированы. Однако часть коммунистической верхушки, внешне осуждавшая Югославию, пришла к важному выводу — при известных обстоятельствах, опираясь в том числе и на национальную специфику, власть можно

сохранить и без прямой помощи СССР. Это проявилось довольно наглядно в последующие годы.

Другой комплекс проблем, свидетельствующих о кризисе, проявлялся в росте противоречий внутри самих социалистических государств. Официально там создавалось общество всеобщего равенства и справедливости, но на практике росло социальное расслоение. Появился привилегированный социальный слой, использовавший общегосударственную собственность в своих целях [11–12]. При этом жизнь основной массы населения заметно ухудшилась — они были полностью лишены частной собственности, переход к плановой экономике сопровождался появлением дефицита товаров широкого потребления, копирование советского опыта первых пятилеток с упором на развитие тяжелой промышленности («превратим Венгрию в страну чугуна и стали») привело к упадку легкой и пищевой промышленности, дезорганизации ЖКХ и т. д. Все это вызвало резкий рост недовольства. Несмотря на репрессии, ситуация во многих странах социализма становилась все более взрывоопасной.

И. Сталин в основном стремился не нарушать Ялтинско-Потсдамские договоренности, но попытки выйти за их рамки время от времени предпринимались. Так, в северных районах Ирана была провозглашена Азербайджанская демократическая республика, но после вывода в 1946 г. под нажимом Запада советских войск она прекратила свое существование. В 1947 г. компартия Греции сформировала «Временное демократическое правительство», начав кровопролитную гражданскую войну, закончившуюся ее поражением. Там, где вероятность сильного сопротивления была велика, Сталин предпочитал не рисковать. «Финляндию пощадили, — признавал впоследствии В. Молотов, — имели бы рану постоянную... Демократической ее сделать не удалось, так же как и Австрию» [13, с. 16]. Столкнувшись с твердой позицией США, Сталин отступил и прекратил длительную блокаду Западного Берлина (1948–1949).

Наиболее серьезной попыткой перейти линии, определенные в Ялте и Потсдаме, была Корейская война. Сталин долго колебался, прежде чем дал согласие на вторжение Пхеньяна в Южную Корею. Причинами, по которым он все-таки пошел на это, были изменения в соотношении сил (успешные ядерные испытания в СССР, провозглашение КНР), общее ухудшение международной обстановки и уверенность, что США вряд ли вмешаются в корейские дела [14, с. 58–59]. Используя фактор внезапности и превосходство в технике (у южан не было в момент начала войны ни одного танка), войска Ким Ир Сена захватили почти всю Южную Корею. Но это вызвало возмущение во всем мире — Совет Безопасности ООН объявил Пхеньян агрессором и направил в Корею войска ООН. Их основу составляли войска США. Армия Севера была быстро разгромлена. Сталин был готов к капитуляции Северной Кореи, но в дело вмешался Пекин [14, с. 117–119]. В итоге линия фронта стабилизировалась примерно там же, где она была перед началом военных действий. Сразу после смерти Сталина Москва дала согласие на подписание перемирия (июль 1953 г.). Последствия Корейской войны были очень серьезными. Для советского руководства стало очевидным, что прямое фронтальное наступление с целью распространения коммунизма бесперспективно. Другим важным результатом было повышение авторитета и влияния компартии Китая, поскольку именно она выступила главным защитником и покровителем Северной Кореи.

В Западной Европе коммунисты смогли укрепить свои позиции с учетом их роли в антифашистском сопротивлении в годы Второй мировой войны. В первую очередь это относилось к компартиям Италии и Франции. Однако уже в 1947–1948 гг. компартии были удалены из правительств и оказались в изоляции. Сказались не только американская помощь по «плану Маршалла» и начало холодной войны, но и развитие событий в странах социализма, где произошло установление тоталитарных режимов и резкое снижение жизненного уровня.

В эти годы ряд компартий Западной Европы впервые начинает рассматривать серьезно возможность мирного прихода к власти. Первым об этом сказал в 1946 г. М. Торез [15, с. 264]. В 1951 г. компартия Великобритании (КПВ) приняла программу «Британский путь к социализму», где также говорилось о завоевании парламентского большинства с учетом британских традиций, специфики и особенностей. Затем схожие программы приняли еще некоторые западноевропейские компартии. Этот поворот не был полным. Сталин уже в годы Второй мировой войны понимал, что в странах, где сложились сильные институты, проводить политику их разрушения вряд ли будет рационально. Так, в одной из бесед с М. Джиласом он даже сказал, что в Великобритании и при социализме сохранится монархия [1]. Сталин несомненно одобрил заявление М. Тореза, но, по воспоминаниям В. Бережкова, почти одновременно посоветовал ему не выполнять декрет правительства де Голля о сдаче оружия. «Прячьте оружие! — сказал он М. Торезу. — Может случиться, что вы еще окажете нам поддержку» [3, с. 328–329]. Сталин одобрил программу КПВ, и ее полный текст (беспрецедентный случай!) был опубликован в газете «Правда». Но на русском языке название документа было изменено — «Путь Британии к социализму», что означало уже несколько иную расстановку акцентов. Скорее всего, Сталин рассчитывал на приход коммунистов к власти мирным путем только во Франции (возможно, что одной из причин, почему СССР признал правительство Хо Ши Мина лишь в 1950 г., было желание не создавать дополнительных помех французским коммунистам), а остальные программы рассматривались как тактические ходы или пропагандистские акции, поскольку возможности реализовать их на практике не было.

Одной из важнейших черт мирового развития первого послевоенного десятилетия стал процесс деколонизации. Предоставление независимости Индии, Филиппинам, Индонезии, Бирме, Цейлону и некоторым другим странам оценивалось в Москве в духе коминтерновских установок: пришедшая к власти национальная буржуазия объявлялась реакционной, а симпатии выражались только компартиям, многие из которых вели вооруженную борьбу против своих правительств. Это обрело и СССР, и коммунистические движения в этих частях мира на изоляцию.

А вот политика в отношении США и других стран Запада претерпела определенную трансформацию. Тут государственные интересы стали учитываться в значительно большей степени. В 1945 г. Советский Союз стал одним из основателей ООН, деятельность которой служила скорее общечеловеческим интересам и ценностям и никак не была направлена на осуществление мировой революции. Однако начавшаяся затем холодная война была острой конфронтацией именно двух антагонистических общественно-политических систем, каждая из которых стремилась не просто доказать свое преимущество, а сокрушить другую. Установление коммунистических порядков в ряде государств было, несомненно, одной из главных, хотя не единственной ее причиной.

К моменту смерти И. Сталина было очевидно, что его политика зашла в тупик: внутри коммунистического блока зрели острые противоречия, на международной арене компартии оказались в изоляции, притягательная сила идей революционного преобразования мира постепенно исчезала.

Мировой революционный процесс и мирное сосуществование: поворот к нормальности

Второй период — с середины 50-х годов до середины 80-х годов — характеризуется тем, что общий курс руководства СССР и мирового коммунистического движения претерпевает крупные, хотя и непоследовательные изменения. Если ранее его главным содержанием было противопоставление всему остальному миру, построение качественно нового общества, то теперь происходит постепенное сближение с другими странами, частичное включение в мировые процессы и принятие некоторых общепринятых правил и норм. СССР крайне непоследовательно и зигзагообразно, но начинает двигаться в том же направлении, что и весь мир. По существу это был частичный отход от лозунгов мировой революции, хотя возможно, что сами инициаторы нового курса не отдавали себе в полной мере в этом отчет.

После смерти Сталина руководство КПСС в целом признавало необходимость изменений. Никто из руководителей не ставил под сомнение основы советского строя, но большинство склонялось к тому, что система должна стать более эффективной, динамичной, гуманной и привлекательной как для внешнего мира, так и внутри страны. Были отменены законы, на основании которых в стране после Октябрьской революции практически все время действовало чрезвычайное положение, прекращены массовые репрессии и проведена частичная реабилитация их жертв, приняты меры по повышению жизненного уровня населения, прекращена война в Корее, произошла некоторая разрядка напряженности в отношениях с Западом. Символом новой стратегической линии КПСС стали решения XX съезда (1956).

Важнейшим событием, произошедшим на XX съезде КПСС, была, конечно, критика культа личности Сталина. Доклад Н. Хрущева на закрытом заседании съезда, который вскоре стал широко известен, произвел в мире огромное впечатление. Однако критика не была последовательной. Так, был полностью обойден вопрос, как культ личности и связанные с ним негативные явления могли возникнуть в условиях советской системы, которая по-прежнему всячески прославлялась. Декларированный возврат к ленинским нормам во многом сводился к описанию личных конфликтов Ленина и Сталина. Никто из репрессированных соратников Ленина реабилитирован не был. В новых учебниках по истории КПСС о процессах над Зиновьевым, Каменевым, Бухариным и другими вообще ничего не говорилось, а Троцкий по-прежнему представлялся только в темных красках. Правильность репрессии против обычных рабочих, интеллигентов, зажиточных крестьян, высших слоев общества царской России, не говоря уже о политических противниках большевиков, под сомнение не ставилась. Тем не менее сам факт критики высшего советского руководителя, которого до этого официальная пропаганда всегда представляла непогрешимым, имел огромное значение для освобождения сознания людей, особенно представителей нового поколения — «шестидесятников», которые

на долгие годы сохранили неприязнь к сталинизму, оставаясь при этом убежденными сторонниками социализма.

Освобождение от догм проявилось и в оценках международного положения. XX съезд КПСС заявил, что «фатальной неизбежности войн нет» [16, с. 414]. В программе КПСС 1961 г. данные идеи были закреплены, хотя и сопровождалась оговоркой, что если, несмотря на все старания миролюбивых сил, империализм развяжет войну, то «народы не будут больше терпеть строй, ввергающий их в опустошительные войны. Они сметут и похоронят империализм» [17, с. 271]. Появление этой более догматической формулировки было, скорее всего, уступкой не только Мао Цзэдуну, но и определенным советским кругам. Наиболее показательной для позиции последних была вышедшая сразу после вторжения в Афганистан статья маршала Н. Огаркова. В ней говорилось, что советская военная доктрина является сугубо оборонительной, но в случае возникновения мировой войны с применением ядерного оружия СССР и его союзники будут обладать в ней определенными преимуществами, такими как справедливые цели и передовой общественный строй, что «создает им объективные возможности для достижения победы» [18, с. 564]. Тем не менее произошел несомненный разрыв с тезисами о неизбежности войн, пока существует империализм, и о взаимосвязи войн и революций, которые содержались почти во всех программных документах коммунистов времен Ленина и Сталина. Упоминание о войнах исчезло также из всех определений эпохи, содержавшихся в документах КПСС и международного коммунистического движения. Одновременно XX съезд КПСС провозгласил, что «генеральной линией внешней политики Советского Союза был и остается ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социалистическим строем» [16, с. 413]. В программе КПСС 1961 г. мирное сосуществование определялось как «специфическая форма классово-борьбы» [17, с. 272], которая ведется всеми методами, кроме войны, и в которой социализм одержит верх, доказав свое преимущество в мирном соревновании. При этом возможности капитализма по-прежнему недооценивались. Так, если в выступлении на XX съезде члена президиума ЦК КПСС А. Микояна критиковались взгляды Сталина о сужении рынков при капитализме [19, с. 301–328], то Д. Шепилов, впервые избранный секретарем ЦК, без ссылки на Сталина по существу повторял его взгляды [19, с. 197]. В документах КПСС и международного коммунистического движения широко пропагандировалось утверждение о том, что «в развитии общего кризиса капитализма наступил новый этап» [17, с. 246]. Проявлением недооценки ресурсов капитализма стал лозунг «Догнать и перегнать Америку». Сама по себе идея догнать и перегнать передовые капиталистические государства не раз выдвигалась Лениным и Сталиным, но Хрущев провозгласил совершенно конкретный лозунг, не имевший под собой какой-либо почвы. Лишь в 70-е годы в Москве в осторожной форме стали признавать реальность европейской интеграции. Тем не менее главным в провозглашении курса на мирное сосуществование было то, что в отличие от времен Ленина и Сталина оно рассматривалось не как краткая передышка между войнами или тактический ход, а как стратегия, допускавшая заключение долгосрочных соглашений со странами Запада. Это нашло отражение в научной и пропагандистской литературе. Так, если в первом (т. 39) и втором (т. 27) изданиях Большой советской энциклопедии, которой руководство КПСС всегда придавало не только научное, но и большое политическое

значение, статья «мирное сосуществование» отсутствовала вообще, то в третьем она занимала уже существенное место, причем примерно в равной мере отмечались как конфронтационные аспекты отношений двух систем, так и возможности взаимовыгодных связей [20, с. 314–316]. Данная двойственность присутствовала и в Конституции СССР (1977). Так, в ст. 28 обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма стояло раньше, чем защита государственных интересов СССР, хотя само по себе упоминание о государственных интересах в документе такого уровня было показательным. Далее там же укрепление позиций мирового социализма и поддержка борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс назывались раньше, чем предотвращение агрессивных войн, разоружение и осуществление принципа мирного сосуществования. Ст. 29 полностью повторяла принципы взаимоотношений государств, провозглашенные в Заключительном акте общеевропейского совещания 1975 г., но уже в ст. 30 говорилось, что со странами социализма СССР строит отношения на основе принципа социалистического интернационализма [21]. Следует подчеркнуть, что в то время мирное сосуществование рассматривалось как один из приоритетов внешней политики, но не самоцель.

Большое значение имело и заявление XX съезда КПСС о том, что «не обязательно, что осуществление форм перехода к социализму при всех условиях будет связано с гражданской войной», и что вероятность мирного пути к социализму возрастает [16, с. 415]. По существу это был отказ от перспективы взятия власти вооруженным путем в странах Запада и своеобразный сигнал другим компартиям, которые, однако, восприняли его по-разному. Приход коммунистов к власти на Кубе (1959) и в Индокитае (середина 70-х годов) произошел именно военным путем.

В контексте «восстановления ленинизма» в публичное пространство, хотя и в несколько видоизмененной форме, вернулась идея мировой революции. В официальных документах и пропаганде появилось понятие «мировой революционный процесс», в который включались мировая система социализма, считавшаяся его авангардом, рабочее и национально-освободительное движение. Коминтерновские оценки национальной буржуазии были подвергнуты критике еще на XX съезде КПСС как носившие «налет сектанства» [19, с. 503]. В программе КПСС (1961) впервые за многие годы использовался термин «мировая социалистическая революция» [17, с. 256], а определение современной эпохи заканчивалось утверждением, что это «эпоха перехода на путь социализма все новых и новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе» [17, с. 230–231].

Внешне мировой революционный процесс в середине 50-х — середине 80-х годов развивался успешно. Советский Союз добился военно-стратегического паритета с США, превратившись в одну из двух сверхдержав. Победа кубинской революции не только создавала коммунистический плацдарм в Западном полушарии, но и своей романтикой способствовала росту симпатии к идеям революционного преобразования мира. Поражение США в войне во Вьетнаме также воспринималось многими как доказательство ослабления империализма и успех социализма. В эти годы независимость завоевали практически все колонии. Они оставались частью мировой экономики, но политически ряд новых государств был тесно связан с СССР. В СССР особое внимание уделялось странам, объявившим о некапи-

талистическом пути развития или о социалистической ориентации, поскольку они рассматривались как своеобразный резерв мировой системы социализма. Сложнее обстояла ситуация с коммунистическим движением в странах Запада. Хотя коммунисты в различные годы входили в правительства Франции, Финляндии, Португалии, их влияние в целом, кроме Италии, уменьшалось. Они постепенно отеснялись на вторые и даже третьи роли в политической жизни своих стран. Отражением спада влияния коммунистов Запада стало появление во второй половине 50-х — 60-х годах движения «новых левых», в создании которого заметную роль играли бывшие члены компартий, ушедшие или исключенные за поддержку венгерского восстания. Именно «новым левым» удалось тогда завоевать симпатии молодежи, особенно студентов. Это ярко проявилось во время выступлений во Франции в мае-июне 1968 г.

Однако, несмотря на внешние успехи, кризисные явления в мировом революционном процессе постоянно нарастали. Прежде всего это проявлялось в мировой системе социализма, где все попытки построения нового общества терпели неудачи. XXII съезд утвердил новую программу КПСС, предусматривавшую построение коммунизма в СССР за 20 лет, и торжественно провозгласил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» [17, с. 335]. Но уже через несколько лет эти заявления, как и призывы перегнать Америку, исчезли из официальных документов. Вместо этого начали говорить о том, что СССР находится в стадии «развитого социализма» [22, с. 92]. В сентябре 1965 г. в условиях ухудшения социально-экономической обстановки ЦК КПСС согласился с предложениями председателя совета министров СССР А. Косыгина использовать в советской экономике рыночные элементы [23, с. 440–445]. Но вскоре реформа была остановлена. Сказалось и недовольство догматиков, и начало освоения крупных месторождений газа в Западной Сибири (экспорт газа и нефти стал приносить значительные доходы в валюте). Позитивным, однако, было то, что сама по себе постановка вопроса об использовании рыночных рычагов перестала быть запретной. Более того, рыночные взгляды постепенно стали распространяться не только в академических кругах, но и среди хозяйственных руководителей, части партийного и государственного аппарата. Постоянный кризис переживало сельское хозяйство, которое по-прежнему не могло обеспечить СССР продовольствием. Поколение советских людей, вступившее в жизнь в 70-е — первой половине 80-х годов, уже не верило в социализм. Хотя любые проявления недовольства преследовались, оппозиционные движения, выступавшие под различными лозунгами (правозащитные, националистические и т. д.), продолжали свою деятельность.

Еще более сложно обстояло дело в других социалистических странах. Поскольку было очевидным, что в большинстве случаев правящие компартии не пользуются поддержкой населения, руководство КПСС сразу после смерти И. Сталина предложило им изменить политику на более умеренную. Однако последствия оказались совершенно иными, чем ожидалось. Сказалась закономерность, о которой писал А. де Токвиль, отмечавший, что «наиболее опасный момент для плохого правительства — это обычно тот, когда начинаются реформы», и что «народ, безропотно и словно не замечая терпевший самые тягостные законы, яростно отбрасывает их, едва только бремя становится легче» [24, с. 157]. Волнения вспыхнули в Чехословакии (1953) и Польше (1956), а в Восточной Германии (1953) и Венгрии (1956)

произошли самые настоящие народные восстания. Наиболее неожиданным для коммунистических властей оказалось то, что большинство участников этих выступлений были рабочие, т. е. представители самого передового — согласно марксистско-ленинским догмам — класса. Предпринималось все, чтобы замаскировать этот факт. Так, официальная пропаганда КПЧ объявила, что в выступлениях в Пльзени принимали участие не рабочие, а переодетые буржуи [25, р. 271–272]. Вооруженные силы и полиция также не проявляли особой готовности защищать существующие режимы: в Пльзени против демонстрантов пошли только особые подразделения полиции, а осенью 1956 г. многие венгерские военнослужащие примкнули к повстанцам. Подавление восстаний в Восточной Германии и Венгрии осуществлялось исключительно советскими войсками. В 1968 г. войска СССР, Польши, Венгрии, Болгарии и Восточной Германии вторглись в Чехословакию, руководство которой встало на путь умеренных демократических реформ и получило значительную поддержку населения. Но наиболее сложно развивалась ситуация в Польше, где политические и экономические кризисы происходили практически постоянно. Самыми резонансными стали события 1981 г., когда для подавления массового движения «Солидарность», выступавшего под лозунгами демократизации и социальной справедливости, было введено военное положение. Ушедшая в подполье «Солидарность» приобрела ярко выраженную антикоммунистическую направленность. Аналогичный сдвиг произошел в оппозиционных движениях других социалистических государств Европы. Для компартий Западной Европы это стало сильнейшим шоком, усиливавшим их разочарование в «реальном социализме».

Вполне естественно, что правящие компартии встали на путь поисков приспособления к новым условиям. В Европе все они, кроме компартии Албании, пошли на сближение с Западом, которое почти всегда тщательно скрывалось и от Москвы, и от других союзников по коммунистическому блоку. Некоторые социалистические страны смогли получить займы в Западной Европе. У советского руководства это вызвало раздражение, но ничего взамен оно предложить не могло из-за тяжелой ситуации в советской экономике.

Нарастали проблемы и в межгосударственных отношениях социалистических стран, интересы которых расходились все больше и больше. Первые серьезные разногласия между Москвой и Пекином возникли во второй половине 50-х годов не столько из-за идеологических различий, сколько из-за конкретных политических сюжетов. В 1957 г. СССР стал оказывать помощь КНР в создании ядерного оружия, но уже через год сократил ее, опасаясь осложнений на переговорах с США о частичном запрете ядерных испытаний. Это вызвало недовольство Мао Цзедуну. В 1959 г. Москва заняла нейтральную позицию в пограничном конфликте КНР и Индии, опасаясь, что это подтолкнет Дели к сближению с Западом. Примечательно, что компартия Индии также призывала Пекин к сдержанности, опасаясь, что центральное правительство введет прямое правление в штате Керала, где у власти находилось правительство коммунистов [26, р. 205–240, 307–335]. Количество таких противоречий между социалистическими государствами постоянно возрастало. Дело дошло до вооруженных конфликтов. В 60–70-е годы столкновения несколько раз возникали на советско-китайской границе, но особенно сильное впечатление произвели события 1978–1979 гг. в Индокитае. Вьетнамские войска вторглись в Камбоджу, чтобы помочь своим сторонникам свергнуть коммунистический

режим Пол Пота, ориентировавшийся на Пекин. В ответ китайские войска атаковали северные районы Вьетнама. Эти события полностью дезавуировали один из главных доводов коммунистической пропаганды о том, что войны при социализме невозможны. К тому же почти одновременно достоянием мировой общественности стали данные о жестокости режима Пол Пота, уничтожившего около 3 млн человек [27, с. 546–547], поскольку они не вписывались в его представление о новом обществе.

Таким образом, хотя правящие компартии официально отвергли идею «национального коммунизма», появившуюся в 50–60-е годы, и почти все декларировали преданность социалистическому интернационализму, под которым подразумевался пролетарский интернационализм, возведенный в ранг государственной политики, на практике коммунистический блок переживал сильнейший разброд. Стремление правящих компартий укрепить свои позиции внутри своих стран путем внедрения в свою политику и идеологию элементов национализма объективно способствовало росту разногласий и противоречий, ускорило кризис мировой системы социализма.

Параллельно шла и идейная дифференциация внутри мирового коммунистического движения. Первоначально выделялось три тенденции, которые условно можно назвать центристской, ортодоксально-догматической и ревизионистской, но затем и внутри них возникли существенные различия, связанные в основном с восприятием националистических идей.

Центристская тенденция в наибольшей степени олицетворялась линией КПСС, которая отличалась непоследовательностью и даже зигзагообразностью. После смещения Н. Хрущева в октябре 1964 г. новое руководство КПСС пыталось частично дезавуировать решения XX съезда. В новых учебниках по истории КПСС XX съезду — в отличие от почти всех остальных — было отказано в оценке «исторический». Выступая на праздновании 20-летия Победы (1965), Л. И. Брежнев впервые за несколько лет упомянул И. Сталина в позитивном ключе [28, с. 123–124]. Это заметно активизировало догматиков перед XXIII съездом КПСС (1966), и особенно перед 90-й годовщиной со дня рождения И. Сталина (1969), но вызвало недовольство интеллигенции, в том числе и членов КПСС, руководителей Польши и Венгрии (В. Гомулка и Я. Кадар сами были жертвами сталинских репрессий) и некоторых западноевропейских компартий. Этому объективно препятствовал и конфликт КПСС и компартии Китая. Если в 1961–1962 гг. критика Сталина в советской пропаганде была во многих случаях замаскированной атакой на Мао Цзэдуна, то во второй половине 60-х — начале 70-х годов авторы ряда резких выступлений против Мао Цзэдуна по существу критиковали Сталина. Естественно, что имена Мао в первом случае, а Сталина во втором не назывались. В итоге Л. Брежнев и его окружение пришли к выводу, что конфликт, который был бы неизбежен в случае изменения оценок Сталина в позитивную сторону, нежелателен, и в «Правде» появилась статья к 90-летию Сталина, содержащая значительный позитив, но не отменяющая его предшествующей критики [29]. В докладе на XXIV съезде КПСС (1971) Л. Брежнев заявил, что вопросы об оценке деятельности И. Сталина больше не являются актуальными, так как они «бесповоротно отодвинуты в прошлое в результате работы, проделанной партией по преодолению последствий культа личности» [30, с. 113]. В дальнейшем идеологическая работа КПСС ориентирова-

лась в основном на празднование юбилейных дат Октябрьской революции, которая по-прежнему превозносилась как поворотный момент в истории человечества [31, с. 577–678], победы в Великой Отечественной войне, которая пропагандировалась как доказательство превосходства советского, социалистического строя [32, с. 284–294], образования СССР, которое связывалось с появлением новой исторической общности — советский народ [30, с. 101], рождения Ленина — вождя мирового пролетариата [22, с. 551–605]. Параллельно проходила и кампания по прославлению лично Брежнева как великого продолжателя дела Ленина и видного деятеля мирового коммунистического движения. Воздействие этих кампаний на население СССР было ограниченным — идеологический вакуум постоянно увеличивался. Политически большинство компартий по-прежнему ориентировалось на КПСС, но идеологические связи слабели или становились все более формальными. Предложить что-то новое руководство КПСС оказалось неспособным, а старые идеи явно не соответствовали новым реалиям.

Ортодоксально-догматическое крыло, не согласное с решениями XX съезда КПСС, первоначально выглядело очень внушительно. Его взгляды разделяли компартии Китая, Албании и в известной степени Северной Кореи, Вьетнама, Румынии, Индонезии и некоторые другие. Причины такой позиции были разные. Работы современных китайских историков, по нашему мнению, убедительно показывают, что главное недовольство Мао Цзэдуна вызвали тезисы XX съезда КПСС о мирном пути социалистической революции и возможности предотвращения мировых войн, поскольку они противоречили его представлениям о том, что «винтовка порождает власть». К критике Сталина Мао первоначально отнесся спокойно — партийный актив КПК был ознакомлен с основным содержанием закрытого доклада Хрущева. Некоторое беспокойство Мао возникло, лишь когда в дискуссиях стал возникать вопрос о том, имеется ли культ личности в КНР и КПК [26, р. 133–165]. VIII съезд КПК (сентябрь 1956 г.) подтвердил нерушимость власти Мао и заявил, что в Китае не сложился культ личности. Пхеньян и Ханой также были не согласны с оценками международного положения, данными XX съездом КПСС, поскольку рассматривали перемирие в Панмынчжоне (1953) и Женевские соглашения (1954) как передышки в вооруженной борьбе за объединение своих стран. О критике Сталина здесь было сообщено только высшим партийным руководителям. Наиболее негативную позицию в отношении критики Сталина занял Э. Ходжа. Он явно увидел в этом серьезную опасность для своей власти, особенно после того как были заменены руководители Венгрии (Ракоши), Болгарии (Червенков) и компартии Греции (Захариадис). Ходжа считал это уступками Хрущева Тито и опасался оказаться следующим [33, с. 110]. На основании имеющихся материалов трудно сказать, насколько обоснованными были эти подозрения. В апреле 1956 г. советское посольство поддержало Э. Ходжу и М. Шеху против группы делегатов Тиранской партконференции, выступивших с их критикой [34, р. 20]. Против реабилитации части жертв сталинских репрессий выступал М. Торез, который в 30-е годы активно пропагандировал московские процессы.

Однако позиции догматиков слабели достаточно быстро. В сентябре 1965 г. компартия Индонезии, имевшая в духе коминтерновских установок мощную нелегальную организацию для ведения вооруженной борьбы, и группа военных приняли неудачную попытку государственного переворота — буквально за не-

сколько дней партия численностью в 2 млн человек, имевшая представительство в правительстве, парламенте, других органах власти, была полностью разгромлена. Это, а также эксцессы великой пролетарской культурной революции 1966–1969 гг. в Китае повлияло на коммунистов стран Азии, Африки и Латинской Америки, часть из которых сначала с симпатией относилась к Мао Цзэдуну. Поворот Китая на путь реформ при Дэн Сяопине вызвал у догматиков полное разочарование. Произошел разрыв Пекина с Тираной. Э. Ходжа еще в 1960 г. подозревал Дэн Сяопина в тайном ревизионизме [35, с. 81–83]. Северная Корея, Албания и в более мягкой форме Румыния по существу встали на путь национал-сталинизма. При этом если Албания полностью порвала в 1960–1961 гг. с СССР, то Северная Корея, провозгласив идеи чучхе для того, чтобы идеологически обособиться от Москвы и Пекина, маневрировала между ними исходя из своих государственных интересов. Заинтересованность в крупной помощи вынудила Вьетнам пойти на сближение с СССР.

Ревизионистская тенденция, сводившаяся к восприятию идей социал-демократии под лозунгами «гуманного социализма», или «социализма с человеческим лицом», была значительно слабее. Часть ревизионистов в западноевропейских компартиях просто уходила к левым социал-демократам. Союз коммунистов Югославии, который постоянно обвинялся в ревизионизме, не пытался играть какой-либо особой роли в международном коммунистическом движении. Компартии Западной Европы поддерживали подавление венгерского восстания, но в большинстве осудили интервенцию в Чехословакии. С учетом опыта чехословацких реформ 1968 г. компартии Испании, Италии и некоторые другие сформировали свою платформу под лозунгом еврокоммунизма. Примечательно, что еврокоммунизм позиционировался как самостоятельное течение внутри коммунистического движения. Критика, исходившая из Москвы, не произвела на них никакого впечатления.

Логическим продолжением всех этих процессов стало ослабление гегемонии КПСС. Первые симптомы появились вскоре после смерти Сталина. Новое советское руководство стало уделять больше внимания повышению жизненного уровня своих граждан и пошло на сокращение помощи другим социалистическим странам. Это вызвало у них недовольство. Одновременно ЦК КПСС несколько смягчил контроль за зарубежными компартиями, предполагая, что это приведет к улучшению отношений. Но воспитанные в духе сталинизма руководители правящих компартий восприняли это как слабость. Так, весной 1955 г. ЦК КПСС информировал компартии социалистических стран о желании нормализовать отношения с Югославией и получил возражения Тираны. После беседы с советским посланником Э. Ходжа отступил [36, с. 616–618], сам этот факт был весьма показателен. До этого, кроме СКЮ, никто не пытался возражать КПСС.

XX съезд КПСС вызвал неоднозначную реакцию в мировом коммунистическом движении. То, что Сталин будет подвергнут критике, было очевидно из речи А. Микояна, но о докладе Н. Хрущева на закрытом заседании руководители зарубежных компартий были информированы позднее. Растерянность была достаточно сильной. Даже сторонники решений XX съезда были недовольны, что их поставили перед свершившимся фактом. Авторитет КПСС как гегемона мирового революционного движения был несомненно ослаблен. Этим попытался воспользоваться Мао Цзэдун, хотевший превратить КПК в равноправного с КПСС лидера мирового коммунизма. При этом особый акцент Мао делал на сферу идеологии,

не без основания полагая, что коммунисты мира скорее воспримут его, а не Хрущева, в качестве ведущего теоретика. Во время кризисов в Польше и Венгрии осенью 1956 г. Китай оказал Москве существенную политическую поддержку: Лю Шао-ци находился в Москве и участвовал в заседаниях президиума ЦК КПСС по этим сюжетам [37, с. 411], а Чжоу Эн-лай несколько позднее посетил Польшу и Венгрию, демонстрируя поддержку линии Москвы [26, р. 167–204]. Менее удачной была согласованная с ЦК КПСС акция Мао Цзэдуна по изменению руководства Северной Кореи — Ким Ир Сену удалось остаться у власти [38, с. 197–205]. Данный эпизод, однако, тоже показателен — ранее инициативы по кадровым вопросам шли только из Москвы.

При подготовке международного совещания компартий (ноябрь 1957 г.) КПК согласилась с тем, чтобы в Декларации было сказано об СССР как главе мировой системы социализма (Югославия возражала, а Польша согласилась после колебаний) и о том, что «исторические решения XX съезда КПСС имеют не только великое значение для КПСС и коммунистического строительства в СССР, но и положили начало новому этапу в международном коммунистическом движении, способствовали его дальнейшему развитию на основе марксизма-ленинизма» [39, с. 20]. Однако речь Мао Цзэдуна на совещании — это был его второй и последний визит в Москву — содержала совершенно иные оценки. Делегат СКЮ Э. Кардель правильно оценил ситуацию как начало идеологического соперничества КПСС и КПК [26, р. 266].

СКЮ не подписал Декларацию совещания 1957 г. и принял новую программу (1958), которую почти все компартии подвергли критике как «ревизионистскую». Первыми и особо резко выступили Пекин и Тирана: они явно пытались задать тон всей пропагандистской кампании. Одновременно разногласия СССР с Китаем и Албанией по проблемам мирового коммунистического движения увеличивались. Так, в документах по итогам визита Н. Хрущева в Албанию (1959) говорилось о значении решений XXI (но не XX) съезда КПСС, а совещание компартий 1957 г. упоминалось лишь в контексте «борьбы с ревизионизмом» [40, с. 153]. На встрече компартий в Бухаресте (июнь 1960 г.), где было принято решение о подготовке нового международного совещания, разногласия были уже очевидны. Заявление международного совещания компартий (ноябрь 1960 г.) было явным компромиссом: с одной стороны, подтверждалось историческое значение XX съезда КПСС и главенствующей роли СССР, но с другой — присутствовал ряд оценок, принятых под давлением Пекина (явное преувеличение революционного потенциала национально-освободительного движения, нападки на СКЮ и т. д.). Развития конфликта это не остановило: в 1961 г. он впервые вышел в публичную плоскость, когда были разорваны не только партийные, но даже дипломатические отношения Москвы и Тираны. С 1963 г. прекратились контакты КПСС и КПК. Между КПСС и КПК развернулась острая борьба за влияние в других компартиях. С. Радченко очень удачно охарактеризовал эту ситуацию как «два солнца в небесах» [41]. Ряд компартий использовал создавшийся конфликт для расширения своей автономии. С большим трудом КПСС удалось сохранить влияние на большинство компартий и добиться созыва в июне 1969 г. в Москве нового совещания компартий. Но оно было уже менее представительным — не приехали компартии Китая, Албании, Югославии, Вьетнама, Северной Кореи и некоторые другие. Компартии Западной Европы

заявили о несогласии с интервенцией в Чехословакию 1968 г. О главенствующей роли СССР говорилось в ряде выступлений, но не в итоговом документе. КПСС удалось добиться принятия совещанием единогласно документа о праздновании 100-летия со дня рождения Ленина, где было провозглашено, что «верность марксизму-ленинизму — великому интернациональному учению — залог дальнейших успехов коммунистического движения» [42, с. 331–333]. На практике он оказался обычной декларацией и не остановил дальнейшего роста идейно-политической дифференциации. Впоследствии ни одной серьезной попытки созвать новое международное совещание компартий не предпринималось. Некоторые компартии не стали открыто прекращать отношения с КПСС, но все более самостоятельно определяли свою политику. Мировое коммунистическое движение вступило в стадию глубокой дезинтеграции.

Претворение в жизнь принципа мирного сосуществования с Западом оказалось делом тоже совсем не простым. Руководство КПСС пошло на переход к этой политике по нескольким причинам. Прежде всего это, конечно, ужасы и огромные людские и материальные потери Второй мировой войны. То, что новая мировая война с возможным применением ядерного оружия может быть еще более разрушительной и закончится гибелью всего человечества, было очевидно. К тому же политика борьбы за мир и мирное сосуществование пользовалась широкой поддержкой населения СССР, готового переносить любые трудности, «лишь бы не было войны». Н. Хрущев и его сторонники учитывали и позицию бывших колоний, которые на конференции в Бандунге (1955) также призвали к мирному сосуществованию. Тем не менее раскол мира на блоки и сферы влияния продолжался. Сооруженная в 1961 г. Берлинская стена стала одним из символов холодной войны. Но был лишь один случай — Карибский кризис 1962 г., — когда мир действительно оказался на грани катастрофы, но и он был разрешен дипломатическим путем. Другая группа факторов, подталкивавших руководство КПСС к налаживанию отношений с Западом, лежала в сфере экономики. В 1955 г. в Женеве впервые после Ялты и Потсдама состоялась встреча высших руководителей СССР, США, Великобритании и Франции. По воспоминаниям Н. Хрущева, советская делегация собиралась попросить займ у Д. Эйзенхауэра, но в последнюю минуту от этого отказалась. Сопоставление мощных четырехмоторных самолетов, на которых прилетели президент США и премьер-министры Великобритании и Франции, и двухмоторного, на котором прибыли первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР, было слишком разительным [43]. По воспоминаниям сына Н. Хрущева, грозные заявления его отца в адрес США, как и отказ от предложения Д. Кеннеди совместно готовить полет на Луну, были призваны скрыть слабость советской экономики [44]. В 70-е годы советское руководство порывает с еще одной догмой ленинско-сталинского времени и идет на многостороннее сотрудничество с Западом в самых различных сферах. Именно СССР и его союзники предложили провести общеевропейское совещание по безопасности и сотрудничеству. Подписание Заключительного акта (Хельсинки, 1975) и включение некоторых его положений в Конституцию СССР 1977 г. свидетельствовали о серьезных сдвигах в советской политике. СССР стал выступать в качестве одного из факторов стабильности, сохранения статус-кво и впервые принял на себя конкретные обязательства в сферах гуманитарного сотрудничества и прав человека. Хельсинкский процесс серьезно

оздоровил ситуацию в Европе и сыграл важную роль в том, что смена общественно-политического строя в социалистических странах в конце 80-х — начале 90-х годов прошла в основном мирным путем. Важным стимулом для его развития было то, что СССР начал крупные поставки нефти и газа не только в Восточную, но и в Западную Европу, а полученную валюту использовал для закупки новой техники и продовольствия. Ухудшение международной обстановки в конце 70-х — начале 80-х годов незначительно повлияло на состояние торгово-экономических связей. По существу в рамках хельсинкского процесса СССР отказался от концепции двух систем мирового хозяйства — социалистической и капиталистической — и взял курс на интеграцию в мировую экономику. Это был совершенно очевидный отказ от курса на развитие мирового революционного процесса в Европе.

После Карибского кризиса 1962 г. СССР и США активно включились в гонку вооружений, создав огромные арсеналы, способные неоднократно уничтожить все человечество. Однако параллельно они договорились об ограничении ядерных испытаний, нераспространении ядерного оружия, запрете бактериологического оружия, ограничении систем противоракетной обороны и стратегических наступательных вооружений, мерах по предотвращению случайного возникновения военного конфликта. Ни США, ни СССР не хотели выхода гонки вооружений из-под контроля.

В сфере идеологического противостояния СССР также постоянно терял позиции. Руководство КПСС заявило об обострении идеологической борьбы [45, с. 333–346] (это было замаскированной попыткой частично возродить сталинскую теорию об обострении классово-борьбы при социализме, осужденную в годы хрущевской «оттепели»), приняло ряд постановлений о пропаганде и контрпропаганде, но эффект от этого был минимальным. Идеологический вакуум постепенно заполнялся западными взглядами и представлениями. Этому в некоторой степени способствовал хельсинкский процесс, расширивший гуманитарные контакты. Политика запретов и ограничений стала основным инструментом, оставшимся в руках правящих компартий, но проводить ее становилось все труднее.

Однако наибольшие трудности возникли в сфере геополитики, где конкуренция СССР и США было достаточно острой. Примечательно, что СССР постепенно отходил от революционных принципов в случаях, когда это не совпадало с его государственными интересами. Так, СССР вопреки принципам пролетарского интернационализма занял нейтральную позицию в территориальном споре Китая и Индии, а затем пошел на значительное сближение с Дели. В годы холодной войны Индия стала одним из ближайших союзников СССР. Однако в других случаях продвижение революционных идей в странах третьего мира имело место. При этом важную роль играла Куба, которая по согласованию с СССР, а иногда и без него, посылала свои войска для поддержки прокоммунистических правительств в Африке, Латинской Америке и Азии. В 70-е годы прокоммунистические силы пришли к власти в Анголе, Мозамбике, Эфиопии, Никарагуа, Гренаде, Южном Йемене и др. В Вашингтоне на это реагировали крайне болезненно, особенно после срыва Парижских соглашений 1973 г. и захвата коммунистами всего Индокитая, а также победы марксистско-ленинских группировок в Анголе и Эфиопии. Если в начале 70-х годов отношения СССР и Запада часто характеризовались как «разрядка», то в 1976 г. президент Дж. Форд заявил, что «мы собираемся забыть об использовании

слова “разрядка”» [46]. В США считали, что обязательства СССР по Заключительному акту 1975 г. распространяются не только на Европу. Резко ухудшило международную обстановку советское вторжение в Афганистан в декабре 1979 г. Его главной целью было сохранение у власти прокоммунистической народно-демократической партии, которая в апреле 1978 г. совершила государственный переворот, но не смогла завоевать поддержку населения и погрязла во внутренних распрях. Советский Союз оказался втянутым в десятилетнюю войну, закончившуюся неудачей. Международная реакция на советское вторжение была резко негативной. На Западе это было воспринято как нарушение не только Заключительного акта 1975 г., но и Ялтинско-Потсдамских договоренностей — СССР впервые вышел за определенные там разграничительные линии. Критически высказалась и наиболее влиятельная неправящая компартия — итальянская, так как это полностью разрушало ее попытки достичь «исторического компромисса» с христианскими демократами и социалистами, шанс на который появился после парламентских выборов 1976 г. Однако самой заметной была отрицательная реакция государств Азии и Африки. Даже у стран, ранее относившихся к СССР дружественно, возникли серьезные подозрения о том, каковы подлинные замыслы Москвы. СССР в значительной степени потерял свою репутацию бескорыстного друга борцов за национальное освобождение, которую он имел в 60–70-е годы.

В начале 80-х годов произошло изменение политики Запада в отношении СССР. До этого США в целом исходили из необходимости соблюдения Ялтинско-Потсдамских договоренностей. И во время венгерского восстания 1956 г. и советского вторжения в Чехословакию 1968 г. Запад ограничивался пропагандистскими кампаниями. Как сказал Л. Брежнев привезенным в Москву чехословацким руководителям, Вашингтон дал понять, что ввод войск не будет иметь серьезных международных последствий [47, с. 268]. При этом Запад исходил из того, что в долгосрочной перспективе время играет на него, так как СССР и мировое коммунистическое движение медленно, но неуклонно слабеют. Еще в 60-е годы видный германский политик Ф. И. Штраус предсказывал, что 2000 г. не будет 83-й годовщиной Октябрьской революции [48, S. 115]. Ряд переговоров, как например, между ЕЭС и СЭВ, умышленно затягивались Западом, поскольку симптомы нарастающего кризиса мировой системы социализма были налицо. К началу 80-х годов в политической элите Запада (Р. Рейган, М. Тэтчер и др.) сложилось мнение, что время для наступления настало. К этому их также подтолкнули непродуманные шаги СССР в сфере вооружений (развертывание ракет среднего радиуса действия, нацеленных на Западную Европу, и некоторые другие) и подталкивание революционного процесса в Азии, Африке и Латинской Америке.

Выступая в 1982 г. в британском парламенте, Р. Рейган призвал к началу «марша свободы и демократии, который оставит марксизм-ленинизм на свалке истории» [49]. В марте 1983 г. Р. Рейган назвал СССР «империей зла» и заявил, что будет добиваться «мира через силу» [50]. США провозгласили начало нового тура гонки вооружений — создание системы противоракетной обороны (1983) и размещение американских ракет среднего радиуса действия в Западной Европе (1982). Каких-либо экономических и технических ресурсов для ответа на «звездные войны» у СССР не было. СССР по-прежнему располагал огромным военным потенциалом, но было очевидно, что в гонке вооружений произошел перелом в пользу США.

США резко активизировали свое вмешательство в региональные конфликты. Они, как и гонка вооружений, становились все более тяжелым бременем для советской экономики. К этому добавились резкое падение цен на нефть на мировом рынке, а также экономические санкции, введенные против СССР из-за вторжения в Афганистан. Они оказали самое серьезное воздействие на советскую экономику, которая ввиду своего планово-административного характера не была приспособлена к маневрированию. Когда в декабре 1981 г. встал вопрос о возможности советского вмешательства в Польшу, то почти все члены политбюро ЦК КПСС высказались против. «Если даже Польша будет под властью “Солидарности”, то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза», — заявил председатель КГБ Ю. Андропов [51, с. 100]. После объявления военного положения западные санкции были введены против Польши. Такого фронтального наступления в Москве не ожидали. Стало очевидным, что надо искать какие-то пути выхода из сложившегося тупика. Именно поэтому в марте 1985 г. политбюро предложило избрать генеральным секретарем ЦК КПСС самого молодого своего члена — М. Горбачева.

Таким образом, попытка продвинуть революционный процесс в Азии, Африке и Латинской Америке и особенно вторжение в Афганистан подорвали политику мирного сосуществования, которая стала восприниматься мировым общественным мнением, причем не только Запада, как прикрытие для осуществления СССР совсем иной политики.

От мирового революционного процесса — к буржуазной революции

Заключительный этап — вторая половина 80-х — начало 90-х годов — характеризуется полным отказом СССР от идеи и практики мировой революции в любой форме как во внешней, так и во внутренней политике, началом преобразований, которые по существу стали первым этапом буржуазной революции в СССР и большинстве стран «народной демократии», крахом мировой системы социализма, распадом СССР и возвращением страны на путь капиталистического развития.

М. Горбачев представлял поколение «шестидесятников», часть из которых была готова идти дальше Н. С. Хрущева. Естественно, ими учитывался и опыт чехословацких реформ 1968 г. Они не считали Запад врагом, признавали, что западная модель развития эффективнее советской, и видели будущее СССР в восприятии элементов западного образа жизни. Среди них, хотя открыто это, естественно, не говорилось, были распространены идеи западноевропейской социал-демократии и конвергенции, т. е. попытки соединения лучших черт капитализма и социализма. Все они прекрасно понимали опасные последствия политики изоляционизма и необходимость открытости страны для внешнего мира. Первоначально М. Горбачев подчеркивал, что перестройка — это продолжение дела революции и ее истинным источником являются идеи Ленина [52, с. 20], но по существу произошло признание провала попыток построения коммунизма и осуществление перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Эту линию М. Горбачеву приходи-

лось проводить в крайне неблагоприятной обстановке — накапливавшиеся годами противоречия вышли наружу, причем почти одновременно и в самой резкой форме. Произошло ухудшение социально-экономического положения и падение жизненного уровня населения. Обострились национальные противоречия, включая противоречие между союзными структурами и республиками, требовавшими предоставления им реальных полномочий. М. Горбачеву пришлось столкнуться и с сопротивлением ортодоксально-догматических кругов внутри КПСС, и с нарастающей критикой сторонников более радикальных реформ. Ввиду этого кризис КПСС и Советского Союза постоянно нарастал.

Осуществлять кардинальные перемены в сфере внешней политики М. Горбачеву было значительно легче, чем во внутренней. То, что курс на конфронтацию завел страну в тупик, что позиции СССР в мире ослабли, что общество устало жить в условиях международной напряженности, было совершенно очевидным для основной части правящих кругов. Поэтому реальная оппозиция внешней политики М. Горбачева со стороны ортодоксально-догматических кругов и военно-промышленного комплекса стала проявляться лишь в 1989–1991 гг. Демократическая оппозиция в основном поддерживала внешнюю политику М. Горбачева. Следует отметить, что, провозглашая политику перестройки и нового политического мышления, М. Горбачев не только стремился решить текущие проблемы, но и преследовал значительно более амбициозную цель — осуществить глобальную трансформацию всей системы международных отношений и создать новый, более справедливый мировой порядок. Сохранение Ялтинско-Потсдамской системы явно не входило в число его приоритетов.

Сердцевиной курса нового политического мышления было провозглашение приоритета общечеловеческих ценностей. Как подчеркивал М. Горбачев, «человечество должно признать жизненную необходимость приоритета общечеловеческого как главного императива эпохи» [52, с. 149]. Это был качественный сдвиг, так как начиная с В. Ленина вся внутренняя и внешняя политика КПСС и Советского государства исходила из приоритета классового подхода, и по существу он означал отказ от идеи мировой социалистической революции. Из новой редакции программы КПСС (1986) были удалены тезисы о том, что мирное сосуществование является специфической формой классовой борьбы и что в случае новой войны народы сметут империализм [52, с. 150–151]. Таким образом, мирное сосуществование действительно стало основным принципом советской внешней политики. Из официальных документов постепенно исчезли упоминания о пролетарском, социалистическом интернационализме. Москва четко дала понять, что военных интервенций для сохранения власти компартий больше не будет. Без советской поддержки большинство из них быстро потеряло власть под напором народных движений снизу. Везде, кроме Югославии и Румынии, это произошло мирным путем. Эти страны встали на путь транзита к демократии и рыночной экономике. Организации Варшавского договора и СЭВ не стало. Мировая система социализма, преподносившаяся как высшее достижение мирового революционного процесса, прекратила свое существование.

Резко сократилась и советская помощь прокоммунистическим правительствам стран Азии, Африки и Латинской Америки. Наиболее важным событием стал вывод советских войск из Афганистана в феврале 1989 г. Это произвело боль-

шое впечатление в мире и было воспринято как реальное доказательство отказа СССР от экспорта социализма и перехода к политике мирного сосуществования и сотрудничества. Без помощи СССР ряд прокоммунистических режимов (например, в Эфиопии) пал, а другие (например, в Анголе и Мозамбике) смогли сохранить власть, встав, однако, на путь расширения рыночных рычагов в экономике и поисков компромиссов с оппозицией. Национально-освободительное движение перестало рассматриваться как составная часть мирового революционного процесса, и отношения СССР со странами третьего мира стали также строиться на основе общепринятых принципов международного права.

Одной из важнейших черт политики перестройки и нового политического мышления в сфере международных отношений был курс на интеграцию СССР в мировое сообщество. Начался демонтаж «железного занавеса» — прекратилось глушение иностранных радиостанций, вещающих на СССР, резко увеличились культурный и научный обмены, контакты между обычными людьми. Параллельно с этим начался процесс создания общих институтов, которые объединяли бы СССР и страны Запада. В 1989 г. СССР подписал первое соглашение с Европейскими экономическим сообществом. М. Горбачев стал первым высшим советским руководителем, выступившим в Парламентской ассамблее Совета Европы (1989) и принявшим участие во встрече с «группой семи» в Лондоне (1991). Принципиально важное значение имело согласие СССР на ликвидацию Берлинской стены (1989) и объединение Германии (1990). М. Горбачев и его окружение целенаправленно держали курс на создание «общеевропейского дома» [52, с. 203]. Речь, конечно, шла о сближении и даже слиянии двух частей континента. Влияние идей конвергенций тут было несомненным. Параллельно шло и улучшение отношений с США. Встреча на Мальте (1989) М. Горбачева и Дж. Буша-старшего по существу означала окончание холодной войны. Кульминацией этого процесса стало Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (Париж, ноябрь 1990 г.), принявшее «Хартю новой Европы».

Политика нового политического мышления открыла реальную возможность для демилитаризации международных отношений, перехода от ограничения гонки вооружений и контроля за вооружениями к реальному разоружению. Наиболее важными шагами тут стали советско-американские договоры о ракетах малой и средней дальности (1987) и о сокращении стратегических наступательных вооружений (1991), а также договор об обычных вооружениях в Европе (1990). СССР вывел свои войска из Афганистана, Монголии, Венгрии и Чехословакии и дал обязательства по их выводу из Польши и Восточной Германии. В свою очередь произошло сокращение американских войск и вооружений в Европе. Разрядка напряженности в военной сфере стала реальностью. Угроза не только мировой, но и крупномасштабной войны между СССР и Западом практически исчезла.

Логическим продолжением линии на демилитаризацию международных отношений был курс на урегулирование конфликтов мирным путем, достижения взаимоприемлемых компромиссов. Идеи ненасильственного мира, провозглашенные в Делийской декларации 1986 г., во многом остались недостижимым идеалом. Однако удалось достичь прекращения конфликта в Южной Африке, протекавшего на территории нескольких государств, гражданских войн и иностранного вмешательства в Камбодже, Никарагуа и некоторых других. Менее удачным оказалось

соглашение по Афганистану — после вывода советских войск гражданская война продолжилась и верх взяли экстремистские круги.

Важным элементом нового политического мышления была линия на деидеологизацию международных отношений. Как отмечал М. Горбачев, «нельзя переносить идеологические разногласия в сферу межгосударственных отношений, подчинять им внешнюю политику» [52, с. 146]. Холодная война была не только гонкой вооружений, но и конфронтацией идеологией, причем очень острой. Теперь ценностный компонент в формировании внешней политики постепенно исчез. Проявлялось явное стремление отойти от конфронтации в идеологической сфере и найти общие моменты, достичь максимального сближения в духовной сфере. Запад уже не изображался в контексте «общего кризиса капитализма», признавались его позитивные черты и достижения. В свою очередь Р. Рейган (1988) публично заявил, что не считает больше СССР «империей зла» [53]. Деидеологизация внешней политики способствовала нормализации отношений с Китаем: в 1989 г. М. Горбачев посетил Пекин с официальным визитом — первым после почти 30-летнего перерыва. Несмотря на недовольство Пхеньяна, в 1990 г. СССР установил дипломатические отношения с Республикой Корея. Отказ от жестких идеологических подходов привел к значительному улучшению имиджа СССР в мире. Общий настрой мировой общественности к СССР сменился с враждебного, каковым он был в начале 80-х годов, на доброжелательный.

Менее успешной на практике оказался призыв к демократизации международных отношений [54, с. 40], хотя М. Горбачев уделял этому аспекту достаточно много внимания.

Результаты политики перестройки и нового политического мышления в сфере международных отношений оказались неоднозначными. В целом они способствовали значительному оздоровлению международной обстановки — опасность возникновения новой мировой войны была сведена к минимуму, прекратилась холодная война, народы многих стран получили право свободного выбора пути своего развития. В целом мир стал спокойнее и безопаснее. Однако для страны-инициатора результат оказался менее однозначным. Идея Советского Союза была настолько тесно связано с проектами мировой революции и постоянного расширения, что отказ от них не мог не привести к его краху. По сравнению с 1917 г. смена общественного строя прошла достаточно мирно и бескровно, но возможности России влиять на мировые дела уменьшились. Это стало сильным шоком для значительной части российского общества, особенно его высших слоев, привыкших к статусу правящих кругов одной из двух сверхдержав. Через некоторое время это стало почвой для роста настроений в пользу пересмотра сложившегося миропорядка, отрицанию позитивных сдвигов второй половины 80-х — начала 90-х годов.

Внутренняя политика М. Горбачева и его сторонников также качественно отличалась практически от всего, что делалось раньше. В редакции программы КПСС 1986 г. по-прежнему говорилось о коммунистической перспективе, но уже в осторожных и неконкретных формулировках [55, с. 138]. В рамках политики гласности были подвергнуты критике многие аспекты деятельности КПСС в предшествующие годы, причем была сделана значительно более глубокая и аргументированная критика сталинизма и его последствий, чем при Н. Хрущеве. Практически все вопросы общественной жизни оказались открытыми для публичных дискуссий. Это постепенно

привело в движение широкие народные массы. Происходила самая настоящая «революция надежд». Был в полной мере учтен опыт второй половины 50–60-х годов, когда «оттепель» XX съезда КПСС закончилась, поскольку политические изменения не были дополнены реформами в экономике, а хозяйственная реформа середины 60-х годов не удалась из-за препятствий, создаваемых жесткой политической системой. Преобразования стали проводиться по всем направлениям одновременно, хотя не всегда согласованно по времени и формам. Однако главным было другое: страна постепенно поворачивала в сторону плюрализма, причем и в политике, и в экономике, и в идеологии. Первоначально к слову «плюрализм» всегда добавлялось определение «социалистический», но постепенно оно стало исчезать [54, с. 88].

Важнейшими преобразованиями в сфере внутренней политики были:

- отмена статьи 6 Конституции СССР (1977) о монополии КПСС на власть и первые шаги по формированию многопартийности;
- проведение выборов в 1989–1991 гг. в большинстве союзных республик, включая Россию, в условиях реальной политической конкуренции, причем в шести республиках некоммунистическая оппозиция завоевала большинство в Верховных советах и сформировала республиканские правительства;
- начало реализации принципа разделения властей: был учрежден пост президента СССР, сформирован комитет конституционного надзора, съезды народных депутатов и Верховный Совет СССР стали впервые за 70 лет действительно обсуждать политические вопросы и более того — реально влиять на назначения в исполнительной власти;
- провозглашение лозунга «социалистического правового государства» [54, с. 68–69] и принятие реальных мер по укреплению законности;
- появление на практике элементов демократических свобод (гласность и свобода СМИ, возможность создания широкого спектра общественных организаций, проведение митингов и собраний и т. д.).

Фактически политическая система, созданная большевиками после взятия власти в 1917 г., была в значительной степени демонтирована.

В сфере экономики основными преобразованиями были:

- начало процесса формирования различных форм собственности — появление реальных, а не государственных кооперативов, расширение возможностей для индивидуальной трудовой деятельности и т. д.;
- начало перехода от плановой экономики к рыночной, хотя делалось это не всегда удачно и привело к значительному увеличению дефицита товаров, инфляции и роста цен, общему снижению жизненного уровня населения;
- начало процесса перевода на мирное производство части военно-промышленного комплекса при общем снижении оборонных расходов — данный процесс оказался наиболее сложным, поскольку огромный советский ВПК крайне медленно вписывался в правила рыночной экономики.

Хотя движение в сторону рынка было несомненным, М. Горбачев и его сторонники не рискнули пойти на такие кардинальные шаги, как приватизация и либерализация цен. А между тем именно этого хотело большинство республиканских и местных элит. Разногласия между союзной и большинством республиканских элит о сроках и методах приватизации огромного государственного имущества стали одной из основных причин усиления противоречий между союзными

и республиканскими властями. Речь, таким образом, шла уже не о строительстве социализма или коммунизма, а о реставрации капитализма.

Плюрализм сложился, причем достаточно быстро, и в духовной сфере. Проявлением этого стали фактическое свободное изложение различных точек зрения, реальная соревновательность идей, в которой догматический марксизм-ленинизм неизменно проигрывал, прекращение антирелигиозной кампании и признание роли церкви в обществе (этому особенно способствовало официальное празднование 1000-летия крещения Руси), фактическая свобода научного и культурного творчества.

Перестройка во внутренней политике проходила в условиях нарастающего противоборства различных сил, причем значительно более остро, чем по вопросам внешней политики. Первоначально М. Горбачев и его сторонники возглавляли процесс преобразований, но скоро движение снизу под более радикальными лозунгами стало нарастать. Инициатива перешла от него к республиканским элитам. В России ее лидером стал Б. Ельцин. Ортодоксально-догматические круги, постоянно проигрывая в условиях даже ограниченной конкуренции, всячески пытались удержаться у власти. Однако попытка государственного переворота, предпринятая ими в августе 1991 г., полностью провалилась и ускорила процесс распада СССР.

В 1989–1991 гг. в СССР и большинстве социалистических государств по существу произошли буржуазные революции. Специфика СССР заключалась в том, что большинство республиканских элит хотели ее осуществления более быстрыми темпами, чем союзные власти. Особенно заметно это было в России, Эстонии, Латвии, Литве, Молдавии, Грузии, Армении и в несколько меньшей степени в Киргизии. Распад СССР был обусловлен тем, что буржуазные революции в различных республиках шли разными темпами и в разных формах. В одних случаях в них преобладал демократический элемент, в других — авторитарный, а в ряде случаев — и открыто националистический. Во всех случаях союзный центр был препятствием, которое должно было быть удалено. Структура союзного государства, созданная в 1922 г., в значительной мере облегчала эту задачу. Заложенная тогда бомба теперь взорвалась. То, что аналогичная судьба постигла и другие социалистические страны, являвшиеся по форме федеративными (Югославия, Чехословакия), показывает, по нашему мнению, что это не было случайностью. В международном плане СССР также был обречен — с самого начала он был столь идеологизированным, что отказ от идеи коммунистического мессианства и постоянного расширения, а именно это произошло в годы нового политического мышления Горбачева, обрекал его на кризис и распад. Таким образом, отказ СССР от идеи мировой революции, как внутри страны, так и на международной арене, означал его неизбежный конец. Вопрос о том, могло ли это произойти менее болезненно, требует дополнительной научной разработки.

Очень серьезные исследования необходимы и сюжетам, связанным с гегемонией и движущими силами произошедшей буржуазной революции. Представляется, что внутренние факторы играли тут важную, но не главную роль. Слои, которые потенциально могли быть отнесены к буржуазии, были очень слабы. Кооперативы только делали первые шаги и были малочисленными, теневой капитал, который несомненно хотел легализоваться, также не был столь влиятелен, чтобы определять движение общества к капитализму. К тому же у них почти полностью отсутствовал

опыт политической деятельности. Главную роль тут играл привлекательный образ Запада, желание большинства советских людей жить как в США и Западной Европе. Огромную роль играла и уверенность самых различных слоев общества, как высших, так и низших, в том, что Запад окажет России крупную экономическую помощь в случае смены общественно-политического строя. При этом для большинства граждан России главным был вопрос о повышении жизненного уровня, достижение и сохранение политических свобод волновало в первую очередь интеллигенцию крупных городов. Поэтому представляется возможным констатировать, что в роли гегемона выступала «мягкая сила» транснациональной буржуазии, а не какой-либо конкретный класс российского общества. Это во многом и объясняет последующие зигзаги российского общественного развития, когда привлекательность Запада в глазах россиян стала уменьшаться.

Заключение

Победа буржуазных революций в СССР и странах Центральной и Восточной Европы по существу положила конец главному эксперименту XX в. — попытке революционного преобразования мира в духе доктрин марксизма-ленинизма. Сохранившие власть компартии изменили свою политику, поставив в центр внимания обеспечение государственных интересов и сведя к минимуму идеологические компоненты в своей внешней политике. Они, конечно, хотят повысить свое значение в современном мире, но не путем гегемонии в мировом революционном процессе, а методами, обычно применяемыми многими другими государствами.

Причин, по которым идея мировой революции потерпела крах, очевидно, несколько.

Во-первых, СССР не удалось создание нового, коммунистического общества, которое качественно превосходило бы капитализм по уровню жизни и другим параметрам и стало бы притягательным примером для всего мира. Наоборот, капитализм значительно лучше приспособился к новым условиям, смог найти новые резервы для развития и выиграть соревнование с социализмом по всем направлениям. Особенно заметным это стало в ходе научно-технической революции. Несмотря на многочисленные постановления ЦК КПСС и мощную пропагандистскую кампанию, СССР не смог включиться в научно-технический прогресс. Успехи по отдельным направлениям достигались дорогой ценой — отсталостью сельского хозяйства, жилищно-коммунальных служб, легкой и пищевой промышленности и т. д.

Во-вторых, внутри самого СССР происходили глубокие социальные изменения. Уже в конце 20-х — 30-е годы политика индустриализации и коллективизации привела к огромному притоку крестьян, преимущественно из беднейших слоев, в города. Это вызвало опасение у некоторых представителей ленинского поколения большевиков, что социальная база мировой революции (часть пролетариата и интеллигенции) растворится среди выходцев из деревни [56], которые, восприняв идеологию и практику социализма, не интересовались глобальными проблемами. Лозунги мощного государства были им значительно более понятными. Представляется, что Сталин пошел на огосударствление идеи мировой революции не только из тактических соображений в международных делах, но и считаясь с настроениями тех слоев, которые стали его социальной опорой. В дальнейшем на раз-

витие СССР большое значение оказал рост образованности населения, в том числе и правящих кругов. Естественно, что образованные люди в большей степени могли анализировать и адекватно понимать происходящее. И наконец, последнее по счету, но не значению социальное изменение — это обуржуазивание части партийных кадров, особенно второго и третьего поколений. В 1966 г. дочь И. Сталина С. Аллилуева попросила убежища в США, затем ее примеру последовали и некоторые другие родственники высших советских руководителей. Да и сама коммунистическая номенклатура все чаще и чаще приходила к мысли о преимуществах капиталистического образа жизни.

В-третьих, идеи пролетарского интернационализма и мировой революции проиграли идеологии национализма. Это проявилось уже в 20–30-е годы, когда правящим кругам малых стран удалось объединить свои народы под лозунгом защиты национальной независимости от Всемирного Советского Союза. Позднее национализм глубоко проник и в мировую систему социализма, и в международное коммунистическое движение, и в сам Советский Союз. Как уже отмечалось, распад многонациональных социалистических государств (СССР, Югославия, Чехословакия) был вполне закономерным.

В-четвертых, политика поддержки революционных сил, подталкивание мировой революции объективно ограничивало международные связи СССР. Непродуманное решение о вторжении в Афганистан привело к изоляции СССР на мировой арене, но и без него тенденция к ослаблению влияния СССР в международных отношениях уже просматривалась, особенно по вопросам международных экономических отношений и мировой экономики. В новую зарождающуюся систему международных отношений, где геοэкономика играла все более важную роль по сравнению с геополитикой, СССР уже не вписывался.

Последствия политики мировой революции, проводимой СССР в течение нескольких десятилетий, очень неоднозначны как для всего человечества, так и отдельных государств и народов и требуют серьезных исследований. Было бы крайним упрощением свести все к общему знаменателю. Несомненно, что большевистская революция 1917 г. и последующие события в СССР способствовали ускорению проведения социальных реформ во многих странах Запада, имевших целью смягчить противоречия труда и капитала. Однако вопрос о том, не оказались ли эти социальные расходы слишком большой нагрузкой и одной из причин замедления экономического роста этих стран с негативными последствиями для всех слоев населения, остается открытым. Политика СССР по продвижению революционных преобразований стала важным, хотя и не единственным фактором, благодаря которому многие колониальные и полуколониальные страны стали независимыми. Вопрос о том, насколько плодотворным было искусственное ускорение процесса деколонизации, также требует дополнительного рассмотрения. Ряд бывших колоний, избравших революционный путь, не только не добились существенных успехов, но и наоборот — опустились на более низкую ступень развития, как, например, Зимбабве при Р. Мугабе. Однако для народов нашей страны итог оказался скорее негативным — огромные человеческие жертвы, материальные ресурсы, израсходованные на чуждые большинству населения цели, изолированность от внешнего мира. В итоге нельзя не согласиться с выводом президента В. Путина о том, что «мировая революция нам не нужна была» [57].

Литература

1. Джилас М. Беседы со Сталиным. URL: <http://www.e-reading.by/book.php?book=1003763> (дата обращения: 25.12.2017).
2. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Партиздат, 1934. 656 с.
3. Бережков В. М. Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993. 400 с. URL: http://modernlib.ru/books/berezhkov_valentin_mihaylovich/kak_ya_stal_perevodchikom_stalina/read/ (дата обращения: 25.12.2017).
4. Сталин И. В. Речь на XIX съезде партии 14 октября 1952 г. М.: Госполитиздат, 1952. 16 с.
5. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 96 с.
6. СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Вильнюс: Институт истории Литвы, Институт всеобщей истории Российской академии наук, 2006. Т. I: СССР и Литовская республика (март 1939 г. — август 1940 г.). 776 с.
7. Priestland D. The Red Flag: A History of Communism. New York: Grove Press, 2009. 676 p.
8. Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. 512 с.
9. Совещание информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года. М.: Госполитиздат, 1949. 102 с.
10. Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/213/2/hruchev.pdf> (дата обращения: 28.11.2017).
11. Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Изд-во Фредерик А. Претер, 1961. 248 с. URL: http://vtoraya-literatura.com/pdf/dzhilas_novuj_klass_1961_text.pdf (дата обращения: 25.12.2017).
12. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. 624 с.
13. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991. 623 с.
14. Торкунов А. В. Загадочная война: Корейский конфликт 1950–1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 312 с.
15. Торез М. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1966. 662 с.
16. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г.: стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1956. Т. II. 559 с.
17. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. Т. III. 592 с.
18. Советская военная энциклопедия. М.: Воентиздат, 1980. Т. 7. 690 с.
19. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 г.: стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1956. Т. I. 640 с.
20. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 16. 616 с.
21. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 25.12.2017).
22. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи, приветствия, статьи, воспоминания. М.: Политиздат, 1970. Т. II. 608 с.
23. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1986. Т. 10. 494 с.
24. Токвиль А. де. Старый порядок и революция. СПб.: Алетея, 2008. 248 с.
25. Brown A. The Rise and Fall of Communism. New-York: Harper Collins Publishing, 2009. 720 p.
26. Zhihua Shen, Yafeng Xia. Mao and the Sino-Soviet Partnership, 1945–1959: A New History (The Harvard Cold War Studies Book Series). New York: Lexington Books, 2015. 402 p.
27. Черная книга коммунизма. М.: Три века истории, 2001. 768 с.
28. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи, приветствия, статьи, воспоминания. М.: Политиздат, 1970. Т. I. 544 с.
29. К 90-летию со дня рождения И. В. Сталина // Правда. 1969. 21 декабря.
30. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта — 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1971. Т. I. 508 с.
31. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи, приветствия, статьи, воспоминания. Т. VI. М.: Политиздат, 1978. 680 с.
32. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи, приветствия, статьи, воспоминания. М.: Политиздат, 1976. Т. V. 592 с.

33. Ходжа Э. Хрущев убил Сталина дважды. М.: Эксмо-Алгоритм, 2010. 224 с.
34. Mëhilli E. Defying De-Stalinization: Albania's 1956 // Journal of Cold War Studies. 2011. Vol. 13, N 4, Fall 2011. P. 4–56.
35. Ходжа Э. Избранные произведения. Тирана: 8 нентори, 1980. Т. 3. 1021 с.
36. Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.: в 2 т. М.: Международный фонд «Демократия», 2014. Т. 1: 1946–1964. 880 с.
37. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 863 с.
38. Ланьков А. Август, 1956 год. Кризис в Северной Корее. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2009. 350 с.
39. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М.: Госполитиздат, 1964. 86 с.
40. Наша дружба на века. Пребывание партийно-правительственной делегации Советского Союза в Народной Республике Албании. М.: Госполитиздат, 1959. 200 с.
41. Radchenko S. Two Suns in the Heavens: The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962–1967. Washington; Stanford: Woodrow Wilson Center, Stanford University Press, 2009. 316 p.
42. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. Москва, 5–17 июня 1969 г. М.: Политиздат, 1969. 352 с.
43. Журнов Е. Все-таки результат имелся // Коммерсант. 14 декабря 2015 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2861289> (дата обращения: 25.12.2017).
44. Сын Хрущева поделился подробностями отношений своего отца с США // Известия. 2017. 30 октября. URL: <https://iz.ru/664653/2017-10-30/syn-khrushcheva-podelilsia-podrobnostiami-otnoshenii-svoego-otca-s-ssha> (дата обращения: 25.12.2017).
45. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1987. Т. 13. 509 с.
46. Ford G. Remarks and a Question-and-Answer Session at the Everett McKinley Dirksen Forum in Peoria. March 5, 1976 // Public Papers of the Presidents of the United States. The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5672> (accessed: 25.12.2017).
47. Млынарж З. Мороз ударил из Кремля. М.: Республика, 1992. 288 с.
48. Walbiner R. Mit Spott gegen Kaiser und Reich: Verse gegen den deutschen Militarismus. Berlin: Rütten und Loening, 1971. 304 s.
49. Reagan R. Address to Members of the British Parliament, June 8, 1982 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. URL: <https://www.reaganlibrary.archives.gov/archives/speeches/1982/60882a.htm> (accessed: 25.12.2017).
50. Reagan R. Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals in Orlando, Florida, March 8, 1983 // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. URL: <https://www.reaganlibrary.archives.gov/archives/speeches/1983/30883b.htm> (accessed: 25.12.2017).
51. Документы «комиссии Сулова». События в Польше в 1981 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 84–105.
52. Горбачев М. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира М.: Издательство политической литературы, 1987. 271 с.
53. News Conference Following the Soviet-United States Summit Meeting in Moscow. June 1, 1988. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/sites/default/files/archives/speeches/1988/060188c.htm> (accessed: 25.12.2017).
54. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1988. Т. I. 352 с.
55. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза [Москва, 25 февраля — 6 марта 1986 г.]. М.: Политиздат, 1986. 352 с.
56. В чем неудача 1917 и 1991 годов? Если Россия когда-либо двинется в сторону Запада, ей придется переосмыслить историю своих революций, говорит писатель и философ Михаил Рыклин // Росбалт. 30.10.2017. URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/10/30/1657080.html> (дата обращения: 25.12.2017).
57. Путин В. В. Заседание совета по науке и образованию. 21 января 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51190> (дата обращения: 25.12.2017).

Статья поступила в редакцию 27 декабря 2017 г.

Статья рекомендована в печать 1 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Худoley Константин Константинович — проф.; kkhudoley@gmail.com

The evolution of the idea of world revolution in Soviet politics (the rise and collapse of the world socialist system)

Khudoley Konstantin K.

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Khudoley K. K. The evolution of the idea of world revolution in Soviet politics (the rise and collapse of the world socialist system). *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 1, pp. 53–85. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.106>

Turning socialism into a system on a global scale was the Soviet Union's highest point for policy of a revolutionary renewal of the world. By the mid 1950s the ever mounting difficulties compelled the Soviet leadership to make a turn toward normalcy; i.e. to acquiesce to a partial scrapping of some of their revolutionary doctrines and moving on to a policy of peaceful co-existence with capitalism. Yet, the spiraling of the world-wide socialist system into crisis was picking up. There occurred some loosening of the hegemony of the Soviet Communist Party accompanied by a drastic politico-ideological polarization within the world communist movement. In fact, the course on advancing the world revolutionary process and simultaneously the policy of peaceful co-existence were clashing with each other constantly. By the mid 1980s the race against capitalism had been lost, whereas the effects of western soft power had been steadily growing. Perestroika and glasnost helped free the minds of the masses but did not resolve the crisis of the Soviet system. This opened the way to a series of bourgeois revolutions and the disintegration of the USSR and of the world socialist system.

Keywords: USSR, world socialist system, world revolutionary process, peaceful co-existence.

References

1. Djilas M. *Besedy so Stalinym* [*Conversations with Stalin*]. Available at: <http://www.e-reading.by/book.php?book=1003763> (accessed: 25.12.2017). (In Russian)
2. Stalin J. *Voprosy leninizma* [*The questions of Leninism*]. Moscow, Partizdat, 1934. 656 p. (In Russian)
3. Berezhkov V.M. *Kak ia stal perevodchikom Stalina* [*How I became an interpreter of Stalin*]. Moscow, 1993. 400 p. Available at: http://modernlib.ru/books/berezhkov_valentin_mihaylovich/kak_ya_stal_perevodchikom_stalina/read/ (accessed: 25.12.2017). (In Russian)
4. Stalin J. *Rech' na XIX s'ezde partii 14 oktiabria 1952 g.* [*Speech at the XIX Party Congress 14 October 1952*]. Moscow, Gospolitizdat, 1952. 16 p. (In Russian)
5. Stalin J. *Ekonomicheskie problemy sotsializma v SSSR* [*The economic Problems of Socialism in USSR*]. Moscow, Gospolitizdat, 1952. 96 p. (In Russian)
6. SSSR i Litva v gody Vtoroi mirovoi voyny. T.I. SSSR i Litovskaia respublika (mart 1939 g. — avgust 1940 g.). [*USSR and Lithuania during the World War II. Vol. I. USSR and Lithuanian Republic (March 1939 — August 1940)*]. Vilnius, The Lithuanian Institute of History, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2006. 776 p. (In Russian)
7. Priestland D. *The Red Flag: A History of Communism*. New York, Grove Press, 2009. 676 p.
8. Khrushchev N. *Vospominaniia. Izbrannye fragmenty* [*Memories. The selected fragments*]. Moscow, Vagrius, 1997. 512 p. (In Russian)
9. *Soveshchanie informacionnogo byuro kommunisticheskikh partii v Vengrii vo vtoroi polovine noiabria 1949 goda* [*The meeting of Information Bureau of Communist Parties in Hungary in the second part of November 1949*]. Moscow, Gospolitizdat, 1949. 102 p. (In Russian)
10. Khrushchev N. O kul'te lichnosti i ego posledstviakh. Doklad Pervogo sekretaria TsK KPSS tov. Khrushcheva N. S. XX s'ezdu Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuza 25 fevralia 1956 g. [*On the Cult of Personality and Its Consequences. The report by First Secretary of the CC CPSU Comrade Khrushchev N. S. to XX Congress of Communist Party of Soviet Union 25 February 1956*]. *Izvestiia TsK KPSS*, 1989, no 3. Available at: <http://elar.ufru.ru/bitstream/10995/213/2/hruchev.pdf> (accessed: 28.11.2017). (In Russian)

11. Djilas M. *Novyi klass* [*The New Class*]. New York, Frederick A. Praeger Publ., 1961. 248 p. Available at: http://vtoraya-literatura.com/pdf/dzhilas_novyj_klass_1961_text.pdf (accessed: 25.12.2017). (In Russian)
12. Voslenskii M. S. *Nomenklatura. Gospodstvuiushchii klass Sovetskogo Soiuz. [Nomenclature: The ruling class of the Soviet Union]*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991. 624 p. (In Russian)
13. Chuev F. *Sto sorok besed s Molotovym* [*One hundred and forty conversations with Molotov*]. Moscow, Terra, 1991. 623 p. (In Russian)
14. Torkunov A. V. *Zagadochnaia voina: Koreiskii konflikt 1950–1953. [The Mysterious War: The Korean Conflict 1950–1953]*. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 2000. 312 p. (In Russian)
15. Thorez M. *Izbrannye stat'i i rechi* [*Selected articles and speeches*]. Moscow, Politizdat, 1966. 662 p. (In Russian)
16. *XX s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz. 14–25 fevralia 1956 g.: stenograficheskii otchet* [*The XX Congress of Communist Party of Soviet Union. 14–25 February 1956: The shorthand report*]. Vol. II. Moscow, Gospolitizdat, 1956. 559 p. (In Russian)
17. *XXII s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz. 17–31 oktyabrya 1961 goda. Stenograficheskii otchet* [*The XXII Congress of Communist Party of Soviet Union. 17–31 October 1961: The shorthand report*]. Vol. III. Moscow, Gospolitizdat, 1962. 592 p. (In Russian)
18. *Sovetskaia voennaia enciklopediia* [*The Soviet military encyclopedia*]. Vol. 7. Moscow, Voenizdat, 1980. 690 p. (In Russian)
19. *XX s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz. 14–25 fevralya 1956 g.: stenograficheskii otchet* [*The XX Congress of Communist Party of Soviet Union. 14–25 February 1956: The shorthand report*]. Vol. I. Moscow, Gospolitizdat, 1956. 640 p. (In Russian)
20. *Bol'shaia sovetskaia enciklopediia* [*The Grand soviet encyclopedia*]. 3rd ed. Vol. 16. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1974. 616 p. (In Russian)
21. *Konstitutsiia (Osnovnoi zakon) Soiuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (priniata na vneocherednoi sed'moi sessii Verkhovnoi Soveta SSSR deviatogo sozyva 7 oktiabria 1977 g.)* [*The Constitution (Basic Law) of Union of Soviet Socialist Republics (adopted at 7 extraordinary session of Supreme Soviet of USSR ninth legislation 7 October 1977)*]. Available at: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (accessed: 25.12.2017). (In Russian)
22. Brezhnev L. *Leninskim kursom: Rechi, privetstviia, stat'i, vospominaniia* [*Following the Lenin's course: Speeches, greetings, articles, memories*]. Vol. II. Moscow, Politizdat, 1970. 608 p. (In Russian)
23. *Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuz v rezoliutsiakh i resheniakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK [CPSU in resolutions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]*. Vol. 10. Moscow, Politizdat, 1986. 494 p. (In Russian)
24. Tocqueville A. de. *Saryi poriadok i revoliutsiia* [*Ancient regime and revolution*]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2008. 248 p. (In Russian)
25. Brown A. *The Rise and Fall of Communism*. New York, Harper Collins Publ., 2009. 720 p.
26. Zhihua Shen, Yafeng Xia. *Mao and the Sino-Soviet Partnership, 1945–1959: A New History* (The Harvard Cold War Studies Book Series). New York, Lexington Books, 2015. 402 p.
27. *Chernaia kniga kommunizma* [*The Black Book of Communism*]. Moscow, Tri veka istorii Publ., 2001. 768 p. (In Russian)
28. Brezhnev L. *Leninskim kursom: Rechi, privetstviia, stat'i, vospominaniia* [*Following the Lenin's course: Speeches, greetings, articles, memories*]. Vol. I. Moscow, Politizdat, 1970. 544 p. (In Russian)
29. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia I. V. Stalina [To the 90 anniversary of I. V. Stalin]. *Pravda*, 21 December 1969. (In Russian)
30. *XXIV s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz. 30 marta — 9 aprilia 1971 goda. Stenograficheskii otchet* [*The XXIV Congress of Communist Party of Soviet Union. 30 March — 9 April 1971: The shorthand report*]. Vol. I. Moscow, Politizdat, 1971. 508 p. (In Russian)
31. Brezhnev L. *Leninskim kursom: Rechi, privetstviia, stat'i, vospominaniia* [*Following the Lenin's course: Speeches, greetings, articles, memories*]. Vol. VI. Moscow, Politizdat, 1978. 680 p. (In Russian)
32. Brezhnev L. *Leninskim kursom: Rechi, privetstviia, stat'i, vospominaniia* [*Following the Lenin's course: Speeches, greetings, articles, memories*]. Vol. V. Moscow, Politizdat, 1976. 592 p. (In Russian)
33. Hoxha E. *Khrushchev ubil Stalina dvazhdy* [*Khrushchev killed Stalin twice*]. Moscow, Eksmo-Algorithm Publ., 2010. 224 p. (In Russian)
34. Mëhilli E. Defying De-Stalinization: Albania's 1956. *Journal of Cold War Studies*, vol. 13, no. 4, Fall 2011, pp. 4–56.
35. Hoxha E. *Izbrannye proizvedeniia* [*Selected collection of works*]. Tirana, 8 nentori, 1980. Vol. 3. 1021 p. (In Russian)

36. *Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Jugoslavii v 1946–1980 gg.* [Meetings and Summits of high leaders of USSR and Yugoslavia in 1946–1980]. In 2 vols. Vol. 1. 1946–1964. Moscow, Mezhdunarodnyi fond «Demokratiia», 2014. 880 p. (In Russian)
37. *Sovetskii Soiuz i vengerskii krizis 1956 goda. Dokumenty* [The Soviet Union and Hungarian crisis of 1956. Documents]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 1998. 863 p. (In Russian)
38. Lan'kov A. *Avgust, 1956 god. Krizis v Severnoi Koree* [August 1956. The crisis in North Korea]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ.; Yeltsin Center, 2009. 350 p. (In Russian)
39. *Programmnye dokumenty bor'by za mir, demokratiu i sotsializm* [The Programme Documents of fights for peace, democracy and socialism]. Moscow, Gospolitizdat, 1964. 86 p. (In Russian)
40. *Nasha druzhba na veka. Prebyvanie partiino-pravitel'stvennoi delegatsii Sovetskogo Soiuz v Narodnoi Respublike Albanii* [Our friendship forever. The visit of Party-Government delegation from Soviet Union in People's Republic of Albania]. Moscow, Gospolitizdat, 1959. 200 p. (In Russian)
41. Radchenko S. *Two Suns in the Heavens: The Sino-Soviet Struggle for Supremacy, 1962–1967*. Washington, Stanford, Woodrow Wilson Center, Stanford University Press, 2009. 316 p.
42. *Mezhdunarodnoe Soveshchanie kommunisticheskikh i rabochikh partii: Dokumenty i materialy. Moskva, 5–17 iunია 1969 g.* [The International meeting of Communist and Workers' Parties: Documents and materials. Moscow, 5–17 June 1969]. Moscow, Politizdat, 1969. 352 p. (In Russian)
43. Zhirnov E. Vse-taki rezul'tat imelsia [After all — one did see the result]. *Commerzants Daily*, 14 December 2015. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2861289> (accessed: 25.12.2017) (In Russian)
44. Syn Khrushcheva podelilsia podrobnostiami otnoshenii svoego ottsa s SShA [Khrushchev's son shared with details of his father's attitude to USA]. *Izvestiya*, 30 October 2017. Available at: <https://iz.ru/664653/2017-10-30/syn-khrushcheva-podelilsia-podrobnostiami-otnoshenii-svoego-ottsa-s-ssha> (accessed: 25.12.2017). (In Russian)
45. *Kommunisticheskaia partiia Sovetskogo Soiuz v rezolyutsiiakh i resheniiakh s'ezdov, konferentsii i plenimov TsK [CPSU in resolutions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]*. Vol. 13. Moscow, Politizdat, 1987. 509 p. (In Russian)
46. Gerald Ford. Remarks and a Question-and-Answer Session at the Everett McKinley Dirksen Forum in Peoria. March, 5, 1976. *Public Papers of the Presidents of the United States. The American Presidency Project*. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=5672> (accessed: 25.12.2017).
47. Mlynář Z. *Moroz udaril iz Kremliia* [The Frost struck from Kremlin]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 288 p. (In Russian)
48. Walbiner R. *Mit Spott gegen Kaiser und Reich: Verse gegen den deutschen Militarismus*. Berlin, Rütten und Loening, 1971. 304 S. (In German)
49. Reagan R. Address to Members of the British Parliament, June 8, 1982. *Ronald Reagan Presidential Library & Museum*. URL: <https://www.reaganlibrary.archives.gov/archives/speeches/1982/60882a.htm> (accessed: 25.12.2017).
50. Reagan R. Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals in Orlando, Florida, March 8, 1983. *Ronald Reagan Presidential Library & Museum*. URL: <https://www.reaganlibrary.archives.gov/archives/speeches/1983/30883b.htm> (accessed: 25.12.2017).
51. Dokumenty «komissii Suslova». Sobytiia v Pol'she v 1981 g. [The documents of "Suslov's Commission". Events in Poland in 1981]. *Modern and Current History Journal*, 1994, no. 1, pp. 84–105. (In Russian)
52. Gorbachev M. *Perestroika i novoe myshlenie dlia nashei strany i dlia vsego mira* [The Reconstruction and new thinking for our country and for the whole World]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1987. 271 p. (In Russian)
53. *News Conference Following the Soviet-United States Summit Meeting in Moscow*. June 1, 1988. Available at: <https://www.reaganlibrary.gov/sites/default/files/archives/speeches/1988/060188c.htm> (accessed: 25.12.2017).
54. XIX Vsesoyuznaia konferentsiia Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz, 28 iunია — 1 iuliia 1988 g.: *Stenograficheskii otchet* [XIX All-Union conference of Communist Party of Soviet Union, 28 June — 1 July 1988: The shorthand report]. Vol. I. Moscow, Politizdat, 1988. 352 p. (In Russian)
55. *Materialy XXVII s'ezda Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz. Moskva, 25 fevralia — 6 marta 1986 g.* [The materials of XXVII congress of Communist Party of Soviet Union. Moscow, 25 February — 6 March 1986]. Moscow, Politizdat, 1986. 352 p. (In Russian)
56. V chem neudacha 1917 i 1991 godov? Esli Rossiia kogda-libo dvinetsia v storonu Zapada, ei pridetsia pereosmyslit' istoriiu svoikh revolyutsii, govorit pisatel' i filosof Mikhail Ryklin [What is the failure of

1917 and 1991? If Russia one day will move towards West, it should be rethinking the history of its revolutions, says writer and philosopher Mikhail Ryklin]. *Rosbalt*, 30.10.2017. Available at: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/10/30/1657080.html> (accessed 25.12.2017). (In Russian)

57. Putin V. *Meeting of Council for Science and Education* 21 January 2016. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/51190> (accessed: 25.12.2017).

Author's information:

Khudoley Konstantin K. — Professor; kkhudoley@gmail.com